Н. Д. Патюлина

НИКОЛО-УГРЕШСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВА

Работа представлена кафедрой социальной философии и филологии Российского государственного социального университета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С. Г. Зубанова

Статья посвящена актуальной и практически значимой проблеме исторической памяти, социального служения монастыря. В работе освещаются различные аспекты заявленной проблемы. На протяжении всей истории Российского государства монастыри составляли неотъемлемую часть его общества, экономики, культуры. В условиях кризиса многих сфер общественной жизни автор рассматривает историческую роль православного монастыря в сфере социального служения, воспитания «аскетического делания», сохранения исконно русской нравственности и культуры. Автором даются характеристики различных этапов становления Николо-Угрешского монастыря как центра русской духовной государственной жизни на юго-востоке Москвы. Работа основана на широком круге источников по рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: социальное служение, православный монастырь, Николо-Угрешского монастырь, русская нравственность, центр русской духовной жизни

The article is devoted to the relevant and practically significant problem of historical memory, social service of a monastery. Various aspects of the declared problem are covered in the work. During the whole history of the Russian state monasteries were an integral part of its society, economy and culture. In conditions of crisis in many spheres of public life, the author considers the historical role of an Orthodox monastery in the sphere of social service, education of «ascetic making», preservation of primordially Russian morals and culture. The author characterises various stages of establishment of the St. Nikolo-Ugreshsky monastery as a center of Russian spiritual state life in south-east Moscow. The work is based on the broad range of sources on the considered problem.

Key words: social service, Orthodox monastery, St. Nikolo-Ugreshsky monastery, Russian morals, center of Russian spiritual life.

В течение 1020-летней истории Русская Православная Церковь осуществляет свое служение и свою миссию в контексте динамично развивающейся государственной и общественной жизни. Монастыри являются составной частью системы институтов Русской Православной Церкви.

В русской церковно-канонической науке делались попытки дать точные определения, что есть монастырь и монашество. Известный историк-канонист протоирей Михаил Горчаков в своих «Лекциях по церковному праву» приводит следующее определение монастыря: «Так

называются церковно-общественные учреждения, которые имеют своим назначением служить местом религиозных подвигов монашествующих. Необходимыми частями монастыря служат: (1) монастырская община, (2) храм, (3) здания для жительства монашествующих – кельи и (4) ограда» [5, с. 328].

В России первые монастыри появились тогда, когда монашество прошло уже длительный исторический путь от египетских пустынь до Палестины, Константинополя и Святой Горы Афон. Были разработаны строгие правила подвижничества, которые нашли отражение в монастырских уставах, были испытаны различные формы построения монашеского жития. Сложилась целостная аскетическая традиция. Русским иконам предстояло, учитывая географические, социальные и культурные условия, усвоить всю полноту накопленного монашеского опыта и создать свой собственный аскетический идеал.

В древнейших русских источниках первые упоминания о монахах и монастырях на Руси относится к эпохе после крещения кн. Владимира; их появление датируется временем правления кн. Ярослава (1019–1054). Современник его, Илларион, с 1051 г. Киевский митрополит, в своем похвальном «Слове о Законе и благодати», посвященном памяти Владимира, (1037–1043), говорил, что уже во времена Владимира в Киеве «монастыреве на горах сташа, черноризицы явишася…» [7, с. 422].

Особенностью монастырей на Руси до XIV в. (Николо-Угрешский монастырь основан в 1380 г.) было то, что они создавались в городах и ближайших пригородах и как церковные институты были важной составной частью древнерусского города. Монастыри, выполняя множество функций, становятся социальным институтом: они несут народу образование и культуру, развивают аграрное производство, служат для хлебопашца хозяйственным руководителем, ссудной кассой, приходской церковью, больницей и приютом под старость. «Помимо исполнения своей чисто церковной миссии, монастыри оказывались вовлеченными в национально-политическую и культурную жизнь страны. Представители монашества находились в живом и почти непрерывном общении с миром» [11].

Нашествие монголов прервало естественное течение монастырской жизни. Ущерб от Батыева завоевания и последующих набегов был огромным, но не было уничтожена государственность, не прерывалось социально-политическое развитие Руси, не прерывалась история Церкви: изменились взаимоотношения иерархии с общиной, княжеской властью и с монгольскими ханами, но многие монастыри были разрушены вместе с городами, другие пострадали от опустошения и пожаров, как это случилось и с Николо-Угрешским монастырем: «Въ 1521 году хищное войско Крымского хана Магмедъ-Гирея, опустошая Коломенские пределы, грабя и убивая жителей, напали тогда на великокняжеское потешное село Островъ, и сожгли соседственный съ нимъ монастырь Николы, что на Угреши» [8].

Возрождение монастырей началось во второй половине XIV в. Существенные изменения произошли во внутренней организации монастырей. Был восстановлен устав строгой общежительной иноческой жизни. Одной из причин, которая повлекла за собой изменение социального положения монашества, стало религиозно-философское учение святителя Григория Паламы об обожении человека – исихазм. Исихазм сделал монашество XIV в. способным не только сохранить Русь от уничтожения во время монголо-татарского ига, но и сплотить ее для борьбы с врагом.

До этого периода, по словам В. О. Ключевского, монастыри являлись «спутниками, а не проводниками христианства, монастыри с особенной чуткостью отражали переливы исторической жизни» [9], с XIV в. монастыри становятся «проводниками» и распространителями православной веры, способствуют возрождению национального духа Руси, создают духовную основу для борьбы против ордынского ига, следовательно, решают проблему социального служения.

Литературно-исторические и агиографические труды черноризцев способствовали формированию национального самосознания Древней Руси с точки зрения государственной и национально-политической это явилось великой заслугой монашества.

Историческую роль в объединении Русских земель сыграли преподобный Сергий Радонежский и святители Алексий Московский и Стефан Великопермский. Их созидательная деятельность заключалась в том, что «они, подвизаясь каждый на своем поприще, делали одно общее дело, которое простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа. Это дело укрепления Русского государства» [9, с. 42].

Великая победа, одержанная 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле, стала переломным моментом в истории Руси. В ознаменование этого события был воздвигнут Николо-Угрешский монастырь – памятник победе русского воинства в сражении за национальную независимость. Это подтверждает составитель исторического очерка «Угреша»: «Основание Угрешской обители приписывают Великому князю Московскому Дмитрию Иоанновичу. Существует предание, что на том месте, где икона, возлъ Николаевского Собора, тамъ явилась Великому Князю икона Святителя Николая надъ сосною въ звезном сиянии, въ то время, когда Великий Князь велъ свои войска на приближающегося врага Руси – Мамая и что смущаемый сомънением на счетъ исхода войны, онъ быль такъ обрадованъ этимъ видимымъ проявлением благоволения Божия, что сия вся Угреша сердце его… и велел Дмитрий Иоаннович воздвигнуть храмъ во имя Святителя Николая и устроить обитель иноческую» [14].

Этот исторический факт подтверждает неоспоримую роль религиозно-духовного компонента в политическом, правовом и культурном укладе России, в формировании мировоззрения русского человека вера становится ценностной ориентацией: князь Дмитрий Донской искренне верит, и это убеждает его в правоте и святости намерений.

Согласно периодизации истории Русской Православной Церкви И. К. Смолича [12, с. 799], после 1503 г. монашество вступает во второй период и претерпевает «сильное обмирщение», которое проявляется в том, что монастыри вовлекаются в более интенсивное, чем раньше, участие в государственно-политической жизни Руси. В этот период увеличиваются монастырские богатства, расширяются земельные угодья, что, в свою очередь, оказывает негативное воздействие на монастырский быт, потому что монастырь превращается в крупное хозяйство и вовлекается в экономическую систему государства.

Этот период нашел отражение и в истории исследуемой нами проблемы. Исключительные формы социального служения Николо-Угрешского монастыря следовали из его статуса: он был основан как ктиторский монастырь, имел положение великокняжеского монастыря, а затем царского богомолья. Для содержания братии монастырь был пожалован великокняжескими вотчинами, его опекал великий князь Московский Дмитрий Ивано-

вич Донской (это подтверждает запись в монастырском Синодике), а затем его потомки, правитиели Московского государства. Об этом свидетельствуют Списки с жалованных грамот Николо-Угрешскому монастырю за период с 1545 по 1678 гг. [14]. Согласно этим данным, Иваном IV Васильевичем монастырю в 1545 г. были пожертвованы селения Капотня и Жирошкино Московского уезда, деревня Гавриково и еще 12 сел в 4 уездах. Грамота давала монастырю привилегии и запрещала производить заготовку дров в лесах и рощах монастырских. За исполнением соблюдения пунктов этой великокняжеской грамоты был выделен пристав-дьяк Гридя Жердь.

В 1551 г., став царем, Иван IV подтвердил верность данной жалованной грамоты. Грамота от 1567 г. закрепляет право Николо-Угрешского монастыря на владение рыбными промыслами в Нижнем Новгороде и освобождает монастырских старцев от таможенных пошлин на все монастырские товары на территории государства, за исключением Нижнего Новгорода. В грамоте 1599 г. великий государь и великий князь «Борис Федорович Годунов продлил эти полномочия» [1. Д. 41. Л. 2].

Образование Русского централизованного государства сопровождалось изменениями в общественной структуре страны. В борьбе с удельно-княжеской оппозицией московское правительство опиралось на определенные слои духовенства, в том числе и на монастыри. В благодарность великие князья выдавали многочисленные жалованные грамоты. Очень важен был и другой компонент: в XV–XVII вв. русские государи, искренне верующие православные люди, заботясь о душе, придавали большое значение процветанию Николо-Угрешского монастыря. В РГАДА хранятся документы, свидетельствующие о вкладах, царских дарах – это богатая церковная утварь ризницы, представляющая не только материальную, но и художественную ценность [1. Д. 35. Л. 35–43].

В XVI в. положение Николо-Угрешского монастыря в русской духовной и государственной жизни становилось все более значимым [1. Д. 6. Оп. 1].

Игумены монастыря были участниками различных государственных событий, Церковных и Земских соборов. Их подписи стоят под важнейшими государственными документами, в том числе под грамотами в выборе русских царей и русских патриархов. Это подтверждают Акты Исторические [13], например, в 1572 г. угрешский игумен Тихон принимал участие в Церковном Соборе, решавшем вопрос о четвертой женитьбе царя Ивана IV Васильевича Грозного; в 1589 г. игумен Лаврентий участвовал в Церковном Соборе, учредившем в России патриаршество, и присутствовал в Успенском соборе при «поставлении» в патриархи Иова. Угрешские игумены Елеазар и Тихон принимали участие в Земском соборе, избравшем на царство Бориса Федоровича Годунова, их подписи стоят под первой и второй избирательными грамотами [8, с. 25].

Политические, социальные и экономические потрясения Смутного времени (1598–1613) отражены в историографии Николо-Угрешского монастыря. В тексте «Сказание о Самозванцах» упоминается монах-расстрига Гришка Отрепьев, скрывавшийся в стенах монастыря: «…из Чудова (монастыря) прииде во обитель к Николе на Угрешу, и нача в безумии своим возносится и впаде в прелютую ересь» [4, с. 10].

В 1610 г., после разорения Пафнутиева Боровского монастыря, Лжедмитрий II останавливается в Николо-Угрешском монастыре. Здесь он принимает польских послов гетмана Жолкевского, они убеждали самозванца отказаться от притяза-

ний на русский престол. Переговоры не принесли положительного результата, и к стенам монастыря были направлены русские и польские полки. Лжедмитрий бежал из монастыря в Калугу.

Угрешский игумен Иона был в числе русских послов, отправленных в 1610 г. Патриархом Гермогеном и Московской Земской Думой к польскому королю. Посольство возглавлял митрополит Ростовский Филарет Никитович Романов. Судьба послов была трагической: они отказались признать притязания польского короля Сигизмунда на русский трон, были арестованы и (за исключением митрополита Филарета, его в 1618 г. обменяли на бывшего начальника посольского гарнизона Московского Кремля полковника Николая Струся) погибли в заточении.

Национально-освободительное движение возглавил Патриарх Гермоген. С декабря 1610 г. он стал открыто призывать к созданию народного ополчения для освобождения Москвы от поляков. В январе 1611 г. Прокопий Ляпунов начал формировать в Рязани первое ополчение. Его ближайшим сподвижником стал Зарайский воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Местом сбора русских войск стал Николо-Угрешский монастырь.

«По разорении… царствующего града Москвы от польских и литовских людей и от своих русских изменников приидоша под Москву изо всех городов воеводы на очищение царствующего города к Николе на Угрешу и совокупищася все заедино…» [2, с. 60].

В марте 1611 г. первое ополчение достигло Москвы. Поляки в ответ выжгли Земляной и часть Белого города и взяли под стражу Гермогена. Завершая страницы «Истории Русской Православной Церкви», посвященные патриаршеству Гермогена, митрополит Макарий (Булгаков) писал: «Имя Патриарха Гермогена должно остаться бессмертным в истории России и Русской Православной Церкви, потому что он ревностнее, мужественнее, непоколебимее всех постоял за ту и другую, он преимущественно спас их в самую критическую минуту их жизни…» [11, с. 109–110].

14 августа 1612 г. второе ополчение подошло к Троице-Сергиеву монастырю. Монастырь оказывал собравшимся для освобождения Москвы ополченцам помощь деньгами и боеприпасами. Архимандрит Дионисий приказал устроить в подмонастырских слободах больницы и страннноприимные дома для раненых, больных и изувеченных. Монахи питались овсяным хлебом, чтобы сберечь пшеничный и ржаной для раненых. 4 ноября 1612 г. русское ополчение штурмом взяло Китай-город. Этот день стал церковным московским праздником, а с 1649 г. он стал всероссийским. 21 февраля 1613 г. Земский собор избрал нового русского царя – Михаила Федоровича Романова. Из челобитной царю известно, в каком состоянии находился Николо-Угрешский монастырь после Смутного времени: «…а сказали монастырь де Николы чудотворца разорили до основания, церкви божии стоят без пения, а кельи все разорены и братья побиты, а вотчины монастырские от польских литовских людей и от воров все позжены, а крестьяне посечены…».

В 1614 г. Михаил Федорович Романов освятил восстановленный Никольский собор. Это подтверждают записи Дворцовых разрядов [6, с. 131]. Строительство монастырей олицетворяло единство интересов государства и Церкви. В годы правления первых русских царей из династии Романовых Николо-Угрешский монастырь приобретает особое значение в духовной жизни государства. В Синодике монастыря записаны 26 кня-

жеских, 53 дворянских и 12 родов старцев [1. Д. 41. Синодик Угрешский]. Число братий Николо-Угрешского монастыря в XVII в. достигало 100 человек, среди насельников обители было немало схимников. Это подтверждает, что духовная жизнь монастыря была очень высока. Согласно архивным материалам, царь Михаил Федорович посетил Николо-Угрешский монастырь девять раз: в 1614, 1616, 1620, 1622, 1623, 1625, 1628, 1629, 1634 гг.; а Алексей Михайлович совершил тринадцать богомольных походов в монастырь.

Были и неофициальные выезды, в том числе во время пребывания в Николо-Угрешском монастыре протопопа Аввакума: «…ходил вокруг темницы, стонал». В течение двух столетий монастырь пользовался вниманием царей и церковных иерархов. С этой целью были построены государевы и патриаршие палаты. За покровительство со стороны русских государей Николо-Угрешский монастырь называли «царским монастырем». У святынь монастыря молились Василий III, Иван Грозный, Борис Годунов, Петр I.

«Историческая память – величайшее проявление духа вечности в нашей временной действительности. Она поддерживает историческую связь времен. Память есть основа истории… поэтому память есть вечное онтологическое начало, создающее основу всего исторического. Память хранит отчее начало, нашу связь с отцами, потому что связь с отцами и есть связь настоящего и будущего с прошлым» [3, с. 122].

Таким образом, Николо-Угрешский монастырь и в XXI в. выполняет важнейшую социальную функцию: воспитание патриотизма, гордости за великую историю своего Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГАДА. Ф. 1205.
2. *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907.
3. *Бердяев Н.* Собрание сочинений. М., Т. 5. 1997.
4. Временник Императорского общества истории и древностей российских. Кн. 16. М., 1853. Гл. 2: Иное сказание о Самозванцах.
5. *Горчаков Михаил, протоирей.* Программа (и лекции) по церковному праву (1882/1883). СПб., 1883. Литография.
6. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II отделением собственного Его Императорского Величества канцелярии. СПб. Т. 3.
7. *Иларион*. Слово о Законе и благодати. Библиотека всемирной литературы. М., 1968.
8. Исторический очерк Николаевского Угрешского общежитального мужского монастыря. М., 1872.
9. *Ключевский В. О.* Русская история: Полный курс лекций. М.; Минск: АСТ-Харвест. 2002. Т. 2.
10. *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской Церкви. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1996. Кн. 9.
11. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917: В 2 ч. М., 1996.
12. *Смолич И. К.* Русское монашество. 980–1917 год. Жизнь и учение старцев. М., 1997.
13. Угреша. Воспоминания об Угрешской Николаевской пустыне, отстоящей от Москвы в 15 верстах. Акты Исторические. В Синодальной Типографии. 1867. Ч. II. С. 42.
14. Угреша: Исторический очерк. М.: Типография А. Торлецкого и М. Терехова, 1875.